

УДК 82.09:821.133.1

ББК 83.3Фр

П 32

Пилецкий Сергей Григорьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии; т.: (8452)517608; e-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru

ДЕНИ ДИДРО О МЕСТИ И ВОЗМЕЗДИИ

(рецензирована)

Тема мести и возмездия во все времена волновала умы философов. Нет, пожалуй, ещё такой проблемы, которая бы провоцировала такой накал страстей и имела такой общественный «камертон звучания». Она поистине пронизывает все глубинные структуры нашего сознания и так или иначе затрагивает практически все «болевые точки» нашего бытия. Автор берёт на себя задачу проанализировать тему мести и возмездия в творчестве выдающегося мыслителя эпохи Просвещения – Дени Дидро.

Ключевые слова: *месть, возмездие, философия эпохи Просвещения, воинствующий атеизм, социальная справедливость.*

Pilecki Sergey Grigorievich, Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of History and Philosophy of the Yaroslavl State Medical Academy, tel: (8452) 517608; e-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru

DENIS DIDEROT ABOUT REVENGE AND RETRIBUTION

(reviewed)

Theme of revenge and retribution excited the minds of philosophers at all times. There is no perhaps such a problem that could provoke such passions and had a social "tuning fork sound." It is truly pervades all deep structures of our mind one way or another, affects virtually all "hot spots" of our existence. The author analyzes the theme of revenge and retribution in the work of an outstanding thinker of the Enlightenment - Denis Diderot.

Keywords: *revenge, retribution, the philosophy of the Enlightenment, militant atheism, social justice.*

Одним из ярких представителей французского Просвещения был Дени Дидро. Главный смысл философской деятельности Дидро заключался в разработке последовательно материалистического, свободного от всяких апелляций к богу или духовной субстанции понимания природы и человека. Эта деятельность была органически связана с борьбой за освобождение человечества от духовного гнёта и социального порабощения, развернувшейся в лоне Просвещения. Именно в этом контексте надлежит рассматривать позицию Дени Дидро, последователя Вольтера, вольнодумца, атеиста и воинствующего материалиста, и по интересующего нас вопросу – относительно темы мести и возмездия.

В своём известном произведении «Принципы нравственной философии, или Опыт о достоинстве и добродетели» Дидро сопрягает и критически анализирует со своих атеистических позиций, по его мнению, вовсе не обязательную взаимосвязь религии и добродетели. По его глубокому убеждению, для одних иллюзия и невежество, а для других лицемерие и обман, усердное культивирование стереотипа, что лишь религиозное сознание, что лишь вера в бога может предопределять, гарантировать нравственное поведение. Это напрямую касается и темы мести. В части I книги третьей в разделе, где Дидро рассуждает о следствиях лишения существа естественного чувства несправедливости и справедливости мы, к примеру, находим: «Не похоже, чтобы атеизм, имел какое-нибудь диаметрально противоположное влияние на чистоту естественного чувства справедливости и несправедливости. У несчастного, который придерживаясь этой гипотезы, оказался вовлечённым в длинную цепь преступлений, скорее всего весьма затуманенное представление о справедливости и честности; но благодаря самой этой гипотезе в глазах данного человека бесчестный и низкий поступок не будет выглядеть великим и прекрасным. Эта система, которая только в указанном отношении менее опасна, чем суеверие, отнюдь не провозглашает прекрасным поступок совокупления с животными или пожирание мяса своего врага. Но какой-нибудь извращённый культ может предписать любые ужасы, любые гнусности под видом прекрасных, достойных подражания и святых вещей... Как не согласиться со свидетельством путешественника, если оно подкреплено авторитетом такого писателя, как Локк. Тупинамбу считают жестокою месть своим врагам наилучшим средством попасть в рай, причём, чем больше врагов

они съели, тем лучше. Те, кого турки канонизируют и причисляют к лику святых, ведут жизнь, рассказ о которой оскорбляет чувство стыдливости» [1, с.92].

Ясно, что чувство справедливости и несправедливости напрямую связано с чувством мести и возмездием как результатом её реализации. Правда, Дени Дидро сие в данном месте пока не очень-то и заботит. Его чрезвычайно волнует вопрос о том, что религиозная вера может стать источником и мощной мотивационной силой не просто несправедливых, а в высшей степени мерзких поступков. К тому же, выступая образцом для подражания, религиозный культ тиражирует и культивирует в своих адептах подобный тип поведения, так сказать, плодит зло в мире. Вот, что об этом пишет Дидро: «Я вовсе не вижу здесь чуда, ибо каждый раз, когда под прикрытием мнимого авторитета или для ублажения богов суеверие требует какого-нибудь гнусного поступка; если, несмотря на священные покровы, которыми покрывают этот поступок, верующий постигнет всю его гнусность, то какими глазами будет он смотреть на предметы своего поклонения? Движимый страхом, приносит он дары к подножию их алтарей, а в глубине души считает их злобными и отвратительными тиранами; но его религия недвусмысленно запрещает ему так думать. «Богам недостаточно фимиама, – возглашает она, – почестям должно сопутствовать почитание». И вот ему приходится любить и почитать существа, которые представляются ему несправедливыми, выполнять их повеления, вслепую совершать преступления по их приказанию и, следовательно, считать святым и добрым то, что само по себе является ужасным и презренным.

Поскольку Юпитер – бог, вызывающий поклонение, и поскольку его история полна любовных приключений, в которых он бесстыдно удовлетворял все свои желания, то его почитатель, восприняв буквально все эти рассказы, безусловно, будет считать распущенность добродетелью.

Если суеверие возносит на алтарь мстительное, злобное, злопамятное лжемудрое существо, без разбора мечущее грома и молнии и в случае оскорбления карающее совсем не тех, кто был ему причиной, существо, про которое можно сказать для довершения его портрета, что оно любит мошенничать, поощряет клятвопреступников и предателей и незаслуженно осыпает благами горстку своих любимчиков, то я нисколько не сомневаюсь, что при содействии священнослужителей и поэтов народ безмерно почитает все эти недостатки и успешно настраивает себя на месть,

ненависть, коварство, непостоянство и пристрастие, ибо удобно превращать явные пороки в блестящие достоинства, когда встречаешь их у существа, на которое привык взирать с восхищением» [1, с. 93-94].

Как видим тут Дени Дидро, верно подметив божью мстительность, всё же склонен воспринимать её в качестве одного из пороков, одного из безусловно порицаемых состояний человеческих наряду с ненавистью и коварством. Но, как убедимся впоследствии, столь радикальная его позиция на сей счёт будет весьма смягчена и несколько пересмотрена. Но пока он категоричен в этом, и чуть ниже мы читаем: «Если по причине ложных суждений человек начинает испытывать положительные чувства к некоторым порокам и отрицательные к противоположным им добродетелям, если, к примеру, он считает низостью прощение обиды, а месть – героическим поступком, то, может быть, удастся предупредить последствия этой ошибки, учитывая, что доброта влечёт за собой воздаяние, заключающееся в спокойствии и в других вытекающих из неё качествах, разрушаемых злобой. С помощью этого полезного умения, скромности, искренности, умеренности и прочего иногда недооценённые добродетели могли бы снискать уважение, а противоположные страсти – презрения, которого они заслуживают. Со временем многие бы стали следовать первым и презирать вторые, вовсе не принимая во внимание сопутствующие им удовольствия или неприятности» [1, с. 101].

Далее Дидро в своём анализе добродетелей и пороков, так сказать, спускается с уровня их проявлений и пытается проникнуть в их биологическую сущность. Волею-неволей весьма умозрительные атеистические построения приходится переводить в форму антропологических изысканий. Слишком строго их судить не будем, памятуя о том, что в те времена эволюционная теория ещё создана не была. В первую очередь любопытны рассуждения Дидро относительно трансформации, по его мнению, природной человеческой порочности в производную форму соподчинения частного интереса и выгоды рода. «Как мы уже доказали, всякое существо от природы обладает некоторой степенью злобы, причиной которой является какое-либо отвращение или склонность, не соответствующая его частному интересу или общему благу рода. То, что при приближении несчастья или неминуемой опасности мыслящее существо предупреждается мерой своего к нему отвращения, вполне объяснимо и нормально. Но если по наступлении несчастья отвращение продолжается, если после

совершения зла страсть нарастает, если возмущенное нанесённым ему ударом существо жалуется на судьбу, начинает роптать и испытывает отвращение к своему положению, то нужно признать, что этот порыв порочен по своей природе и по своим последствиям, ибо он развращает характер, делая его гневным, и приступ гнева нарушает спокойную экономию чувств, присущую добродетели. Но признать то, что этот порыв порочен, означает согласиться с тем, что в подобных обстоятельствах молчаливое терпение и скромная твёрдость были бы добродетельными» [1, с. 107].

С последним утверждением, конечно, согласиться не могу, но не будем на этом зацикливаться, давайте лучше посмотрим, как Дидро оперирует накопленным к тому времени эмпирическим материалом биологии для подкрепления и обоснования своей позиции. Окунёмся, так сказать, с его подачи в мир «братьев наших меньших». В следующем разделе он пишет: «Но для того, чтобы ясно и отчётливо раскрыть, что я понимаю под организацией аффектов, мне придётся низойти до подчинённых нам видов существ. Те, кого природа не наделила оружием против насилия и кто не может никому угрожать, должны быть чрезвычайно боязливыми и не очень злобными; ибо злоба, безусловно, послужила бы причиной их гибели, либо подвигая их на сопротивление, либо замедляя их бегство. Своим спасением они бывают обязаны только страху. Благодаря этому страху чувства их всегда настороже, а сознание всегда готово бить тревогу.

В подобных случаях вследствие животной организации существа обычная опасливость и крайняя робость являются аффектами, столь соответствующими личному интересу существа и общему благу его рода, как вредны были бы злоба и храбрость. Было также замечено, что природа позаботилась о том, чтобы в одной и той же системе эти страсти были разнообразными в зависимости от пола, возраста и силы существ. В животной системе невинные животные собираются и пасутся стадами, но дикие звери обычно живут попарно, не образуя общества, как им и подобает, если учесть их природную прожорливость. Однако у существ первой группы храбрость пропорциональна их росту и силам. При приближении опасности, когда всё стадо спасается бегством, бык выставляет рога против противника, и это показывает, что он ощущает в себе силу. Природа предписывает самке разделять опасность с самцом и также украшает её голову рогами. Лань, олениха и им подобные отнюдь не проявляют порочности или испорченности, когда при приближении льва покидают своих

детёнышей и спасаются бегством. Что же касается способных на сопротивление существ, которых природа наделила орудиями защиты, начиная с лошади и быка и кончая пчелой и мошкой, они быстро приходят в ярость, отважно бросаются на любого обидчика и, не жалея собственной жизни, защищают своих детёнышей. Безопасность их рода обеспечивается их злобностью. Если по опыту знаешь, что обиженный не снесёт обиду бессловесно, даже если он не в состоянии на неё ответить, то подумаешь прежде чем нападать, тем более если у обиженного существа хватает храбрости на то, чтобы пожертвовать своей жизнью, наказав обидчика. Среди живых существ человек в этом смысле страшнее всех. Когда речь идёт о его собственных интересах или об интересах его страны, он отомстит любому, если сочтёт месть справедливой и назидательной. И если этот человек согласен отдать свою жизнь, то он является господином над жизнью любого другого человека, как бы то её ни охранял» [1, с. 118-119].

Ну вот, как и было говорено, наступил кризис того радикального представления о мести как о безусловно порочном деянии, наступило весьма заметное смягчение позиции и даже её существенный пересмотр. Очевидной сумятицы и «мешанины» его биологических представлений мы касаться не будем, равно как и строго судить. Нас интересует то, что от своих биологических экстраполяций он возвращается к человеку. И тут вдруг оказывается, что месть вполне может быть не только справедливой, но и назидательной, что, как замечает Дидро, если знаешь, что обиженный так просто не снесёт обиду, то ещё трижды призадумайся, стоит ли обижать. Разве это не «стена» для несправедливости, разве не «узда» для потенциальных обидчиков, разве страх возмездия – не оплот порядка? Дидро пишет, что человек в смысле мести пострашнее всех иных существ будет, и с этим как раз спорить мы не будем. Если человек ценность своей личной чести, чести своей семьи, своей страны ставит выше ценности своей жизни, то как это некстати для подонков разных «мастей». Они им не дают волю разгуляться. История человечества просто-таки «кишмя кишит» примерами подобного рода.

Конкретизацию своей «смягчённой» позиции Дени Дидро продолжает в разделе 2-м части II своего трактата. Теперь он говорит, что месть не сама по себе плоха, что не надо брать пример с богов, что она не сама по себе достойна порицания и осуждения, а что она должна быть в меру. То бишь месть не то, чтобы надо

искоренять и изживать, а лишь умерять. Вот как он это обосновывает: «Теперь мы должны доказать, что сильные личные аффекты делают существо несчастным. Для того, чтобы руководствоваться определённым методом в нашем исследовании, отметим сперва, что все страсти, имеющие отношение к личным интересам и к частной организации существа, сводятся к следующим: любовь к жизни, желание отомстить за оскорбление, любовь к женщинам и другие чувственные удовольствия... Эти умеренные и имеющие известные пределы аффекты сами по себе не являются ни вредными для общества, ни противоречащими нравственной добродетели. Они становятся порочными только из-за своей чрезмерности. Ценить жизнь больше, чем она того заслуживает, свойственно только трусам. Слишком остро ощущать оскорбление означает быть мстительным. Чрезмерное влечение к женщинам, к чувственным удовольствиям характеризует сластолюбца. Алчная страсть к наживе – признак скупца. Слепо жертвовать собой ради почестей и похвал присуще тщеславным и пустым людям. Жить обеспеченно и постоянно предаваться безделью – значит быть лентяем. Вот тогда личные страсти становятся пагубными для общего блага; при такой *интенсивности* они опасны и для самого существа, как мы увидим, когда будем говорить о каждой страсти в отдельности» [1, с. 144-145].

И действительно Дени Дидро, не мешкая, в дальнейшем приступает к последовательному разбору каждой из упомянутых страстей человеческих. Мстительность как чрезмерное, выходящее за пределы разумного, чувство мести, судя по тексту, идёт второй сразу после чрезмерной любви к жизни, то есть трусости. Что касается самого принципа умеренности, как «золотой середины» между двумя порочными крайностями и как надёжного алгоритма нравственности и порядка, то это, конечно же, в истории философии отнюдь не ново. Многие мыслители не просто упоминали о ней, а и ставили во главу угла своих этических систем. В частности и не в последнюю очередь – Аристотель. В этой связи следует заметить, что от дополнительной фиксации истина «не тускнеет», своей актуальности не теряет. Повторение такого рода истин в делах общественных и государственных может стать не просто «матерью» учения, но и «матерью» безопасности.

Свой экскурс в сферу человеческой трусости Дидро заканчивает такими словами: «Итак, чрезмерная любовь к жизни противоречит истинным интересам и счастьем существа» [1, с. 147]. По идее, сие должно касаться и мстительности как

мести без всякой меры. Сейчас и проверим: «Злопамятство – это страсть, значительно отличающаяся от страха, но в умеренной степени она не менее необходима для нашего спокойствия и не менее полезна для нашей безопасности. Страх нас заставляет убегать от опасности. Злопамятность придаёт нам силы для борьбы с ней и для отражения нанесённого оскорбления или для сопротивления готовящемуся насилию. Очевидно, что при добровольном характере, при совершенной организации аффектов порывы страха и злопамятности слишком слабы для того, чтобы породить страсти. Храбрец осмотрителен, но не подвержен страху, а мудрец защищается или наказывает, не испытывая раздражения. Но в обычном характере возможно сочетание осмотрительности и храбрости с лёгким налётом негодования и опасения, причём равновесие аффектов не нарушается. В этом смысле можно рассматривать гнев как необходимую страсть. Именно внешние признаки гнева, сопровождающие первые его приступы, предупреждают всякого, кто собирается нанести кому-нибудь обиду, о том, что его поведение не будет безнаказанным, и, внушая страх, отвращают его от дурных намерений. Именно гнев побуждает оскорблённое существо к ответным действиям. Он тем страшнее, чем ближе к ярости и отчаянию. В отчаянных обстоятельствах он придаёт силу и отвагу, на которые существо не считало себя способным. Хотя его основная цель – наказание и несчастье другого существа, он также способствует и осуществлению личных интересов существа и даже достижению общего блага его рода...

Ужасные последствия злопамятности и гнева не вызовут удивления, если иметь в виду, что, удовлетворяя эти жестокие страсти, освобождаешься от мучительных страданий, слагаешь с себя гнетущее бремя и избавляешься от навязчивого ощущения несчастья. Мстительный человек торопится положить конец своим невзгодам, способствуя несчастьям другого существа: исполнение его желаний сулит ему небывалое наслаждение. Но что представляет собой это наслаждение? Его можно сравнить с чувством, которое испытывает преступник в первые минуты после прекращения пытки, с внезапным временным прекращением его мучений, с передышкой, дарованной снисходительностью судей или, скорее, усталостью палача. То извращение, та утонченная бесчеловечность, та прихотливая жестокость, которые иногда присутствуют в мщении, суть не что иное, как постоянные попытки несчастного избежать дыбы; это есть непрерывно возобновляющееся утоление ярости.

Есть существа, в которых эта страсть разгорается постепенно, но, если уж она разгорелась, её нелегко погасить. Мстительный дух этих существ напоминает спящую фурию, которая, проснувшись, уже не успокоится, пока не получит удовлетворения: её сон тем глубже и безмятежнее, чем тяжелее ноша, от которой она освободилась. На галантном языке наслаждение, получаемое от предмета любви, зовётся окончанием мук любовника; эта манера выражения подходит и тогда, когда речь идёт о мстительном человеке. Муки любви приятны и лестны, а муки, вызываемые жаждой мести, всегда ужасны. Это состояние ощущается как огромное несчастье, как горькое чувство, тяжесть которого ничем не облегчена» [1, с. 147-148].

Необходимо высказаться. С чем-то, на мой взгляд, в рассуждениях Дени Дидро согласиться вполне можно. В частности, под той частью его умозаключений, что касается общественной превентивной и профилактической значимости мести и возмездия и их имманентной корреляции с верховным принципом справедливости, я готов обеими руками подписаться. Согласен я и с тем, что дух мести не только у некоторых, а, по моему разумению, у любого нормального человека, представляет собой спящую фурию. Ну так тем паче: не надо будить спящую собаку, то бишь спящую фурию. Не будем забывать: мститель – не налётчик, он лишь отражает вероломную агрессию, он лишь карает агрессора. И те муки, о которых пространно пишет Дидро, вполне объяснимы, умело описательны и даже точны, но с одной лишь обязательной поправкой, с одним лишь обязательным уточнением – это «адовы» муки не реализованной, неудовлетворённой мести. Вот тогда, да – злейшему врагу не пожелаешь.

Что же касается образов преступника на дыбе, милостью судей периодически дающих ему передышку в пытке, а тем более образа любвеобильного дамского угодника и его сексуального оргазма, то с этим категорически согласиться не могу и не желаю. Они не просто не точны, а искажающие суть. Мститель, если его месть соразмерна и адресат не напутан, – никакой не преступник, его уже упомянутые чувства гнева и вопиющей несправедливости изнутри жгут «адовым» пламенем (это действительно так), но освобождение от этих мук будет не периодическим и временным, и не зависимым от чьего-то соизволения, а единственным и окончательным в момент сотворённой его руками сатисфакции. Относительно же оргазма в момент этой самой сатисфакции, скажу так: вот это действительно очень

индивидуально. Это сродни сексуальной перверсии. В таких делах, как говорят, нельзя судить по себе, мол, если я испытываю, то и другие должны. При таких резонах давайте будем считать оргазмом и утоление голода, и утоление жажды, и вообще приём любого болеутоляющего средства. Согласитесь: толку мало – одна лишь экстравагантность.

Кстати говоря, отчасти правоту моих суждений на сей счёт подтверждает и сам Дени Дидро в уже в следующем, третьем, разделе. Как бы к рассмотренным во втором разделе части II человеческим аффектам, в том числе и к мести, ни относиться, как бы их ни интерпретировать, они, по классификации Дидро, являются всё же естественными, могущими служить общественному благу. А вот к перечисляемым в этом самом третьем разделе относятся такие из них, которые, по словам Дидро, иначе кроме как излишними и противоестественными наклонностями не назовёшь. Туда наряду со злорадством, завистью, ненавистью, неблагодарностью и предательством Дидро и относит жестокое удовольствие, получаемое от зрелища казней, пыток, бедствий, катастроф, крови резни и разрушения. То есть в какой-то степени ту самую садистическую похоть.

Что же касается не садистических казней и пыток, ублажающих чьи-то похотливые наклонности, а вполне легальных, так сказать, казней и пыток, казней и пыток по суду по тяжести совершённого преступления, то надо отдать должное Дидро – и этому у него нашлось место в его анализе. Вот кратко и ёмко, без всяких так кривотолков и двусмысленностей: «Но вернёмся к поощрениям и наказаниям. Можно сказать, что их общественная значимость определяется не столько их привлекательными или отталкивающими чертами, сколько уважением к добродетели и неприязнью к пороку, которые пробуждаются в честном человеке и в мерзавце в результате общественного выражения одобрения или осуждения человеческими существами. Действительно, при экзекуции часто бывает, что стыд, испытываемый преступником, и позорность наказания составляют всю его тяжесть. Приговорённый к казни и зрители испытывают ужас не только перед смертью, сколько перед виселицей или колесом, символизирующими нарушение преступником законов справедливости и человечности» [1, с. 102].

Закончить представление позиции Дени Дидро можно цитатой, из собранного последующими исследователями его творчества свода его «Атеистических мыслей и

афоризмов». Она снова нас возвращает к его непримиримому, воинствующему атеизму и тоже напрямую касается темы мести и возмездия. Она, кстати, взята из ещё одного его произведения «Философские мысли»: «Слыша, как изображают верховное существо, слыша о его гневливости, о суровости его мести, слыша известные сравнения, выражающие численное соотношение между теми, кого он обрекает на гибель, и теми, кого удостаивает своей помощи, самая честная душа была бы готова пожелать, чтобы такого существа никогда не было. Люди жили бы довольно спокойно в этом мире, если бы были вполне уверены, что им нечего бояться в другом; мысль, что бога нет, не испугала ещё никого, но скольких ужасала мысль, что существует такой бог, какого мне изображают» [2, с. 281].

Завершая представление взглядов Дени Дидро по проблеме мести и возмездия, есть все основания утверждать, что они во многом являются проекцией его более общей материалистической и атеистической доктрины. По его мнению, месть и возмездие проистекают из нашей человеческой (в данном случае – физиологической) сущности, наследуемой нами от животных, и в своём умеренном виде, в своих умеряемых обществом формах и масштабах вполне приемлемы и пригодны в качестве «стабилизатора» человеческих взаимоотношений.

Литература:

1. Дени Дидро. Сочинения. В 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1986.
2. Дени Дидро. Сочинения. В 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1986.

References:

1. *Denis Diderot . Works in 2 volumes. V. 1. M.:Thought, 1986.*
2. *2. Denis Diderot. Works in 2 volumes. V. 2. M.: Thought, 1986.*